

Теории взаимодействия групп интересов и государства в дискурсе политических утопий

© О.Н. Халуторных^{1,2}, Т.С. Годило¹

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, 119992, Россия

²МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Проанализирована эволюция теоретических моделей взаимодействия групп интересов и государства с позиций дискурса политических утопий. Показано, что возможности применения системного анализа к генезису таких теоретических моделей взаимодействия групп интересов и государства, как плюрализм, элитизм, корпоративизм, позволяют интерпретировать их в качестве типов организации власти, стремящихся к внутреннему равновесию, выявить их глубинную связь с дискурсом политических утопий. Отмечено, что утопический дискурс позволяет конструировать и частично апробировать на практике альтернативные проекты организации общественного устройства, декларирующие не только базовые нарративы классических утопий (равенство доступа, справедливость, управляемый консенсус, нейтралитет государства), но и специфическую институциональную архитектуру властных институтов и возможные механизмы ее легитимации. Доказано, что именно в утопическом дискурсивном пространстве политическая элита, революционеры и реформаторы проверяют возможность осуществимости политических идеалов на практике.

Ключевые слова: группы интересов, государство, взаимодействие общества и государства, политические утопии, утопический дискурс

Проблема взаимодействия общества и государства, артикулируемая через деятельность групп интересов, является одной из центральных в современной социальной философии и политической науке. Теоретические модели, описывающие это взаимодействие, — от классического плюрализма до неокорпоративизма и элитистских концепций, как правило, выходят за рамки строгого эмпирического анализа, приобретают черты нормативных проектов, предлагают видение идеального политического порядка и оказываются весьма утопичны. Они строятся на фундаменте идеализированных допущений о природе человека, возможностях равного доступа к ресурсам, нейтральности государственных институтов, саморегулирующейся конкуренции или достижимости управляемого консенсуса. Подобные утопические проекты могут формироваться стихийно (например, какой-либо группой, объединенной общими интересами), отражать несовершенство определенного исторического социума и желаемый образ будущего, или создаваться «сверху» политическими элитами, предполагая искусственное и целенаправленное конструирование их

институционального каркаса и облика. Этому соответствует наблюдение, что «...в обществе есть всегда определенный носитель действующих сил, который становится их реальным субъектом, и этот “кто-то” руководствуется в своих действиях некоторыми идеальными моделями, даже если его сознание не выходит за пределы повседневной практики» [1, с. 96]. Авторам настоящей статьи представляется, что утопическая природа теоретических моделей взаимодействия общества и государства, их роль как нормативных проектов идеального порядка неразрывно связана с историей возникновения и развития теоретических моделей взаимодействия групп интересов и государства. Ретроспективный анализ позволит детально рассмотреть, как зарождались, трансформировались и сменяли друг друга концепции плюрализма, элитизма и корпоративизма, какие конкретные «идеальные модели» лежали в их основе и каким образом в них воплощались (или отрицались) базовые нарративы (равный доступ, нейтральность государства, управляемый консенсус) политической утопии. Под политической утопией авторы понимают детализированный проект эталонного с точки зрения определенной группы людей (интеллигенции, реформаторов, политической элиты) в обществе, основанный на радикальном переустройстве политической системы, властных институтов и отношений. В отличие от абстрактных идеалов, политическая утопия предлагает конкретную модель социального устройства, в которой устранены противоречия реальной действительности через жесткую регламентацию законов, ценностных норм, системы управления, перераспределения ресурсов, а также контроля над любыми общественными процессами.

Эволюция моделей взаимодействия групп интересов и государства в ретроспективном анализе политических теорий. Групповой подход, изначально возникший в США, заложил основу плюралистического направления в анализе групп интересов. В период становления независимости США от Великобритании зародились первые теоретические дискуссии об определенном типе американской государственности, а также о формах взаимодействия государства и общества. Отправной точкой послужила работа «Федералист» А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея — создателей конституции США, которая представляла собой сборник из 85 политических эссе, поддерживающих ратификацию главного документа страны. Эссе № 10 послужило отправной точкой в описании группового интереса и механизма его функционирования в политике. В этой работе Мэдисон создает первичную базу для дальнейших исследований группового подхода, доказывая наличие определенных интересов у различных классов общества, делая упор на риски возникновения «крамольных» сообществ — групп, «которые объединены и охвачены общим увлечением или интересом, противным правам других граждан или постоянным и совокупным

интересам всего общества» [2, р. 108]. Здесь впервые дано объяснение возникновения подобного рода сообществ: оно заключается во врожденном стремлении человека приобретать собственность. Мэдисон считает, что если прерогативой властных институтов является защита возможности индивида владеть и приумножать богатство, то от неравномерного распределения капитала непосредственно зависит разделение общества на партии по интересам. Именно поэтому в социуме всегда будут существовать группы с полярно противоположными интересами в вопросах владения материальными благами.

Продолжая мысль о групповом подходе и поляризации интересов в обществе, целесообразно обратиться к конкретным политическим примерам, иллюстрирующим приведенные теоретические положения. Так, конец XVIII столетия в истории США ознаменовался становлением республиканской формы правления и трансформацией политической системы от колониального статуса к независимой государственности. В рамках развития американских политических институтов активно формировались первые устойчивые группы интересов, ярко проявившиеся в противостоянии федералистов и антифедералистов. Федералисты (А. Гамильтон, Дж. Адамс) выступали за создание сильного централизованного государства, способного обеспечить экономическую стабильность и защитить интересы торгово-промышленных элит. Их оппоненты, антифедералисты (Т. Джефферсон, Дж. Монро), отстаивали принцип максимального ограничения федеральной власти, защиту прерогатив штатов и аграрного уклада. Это противостояние актуализировало и углубило фундаментальное экономическое противоречие между промышленным Севером и аграрным Югом, ставшее впоследствии одной из причин Гражданской войны 1861–1865 гг. Конфликт федералистов и антифедералистов отражал глубинную дилемму между принципами единства (эффективности центра) и свободы (прав штатов и индивидов), сохраняющую актуальность для федеративных систем в современную эпоху. Хотя победа федералистов заложила основы сильного национального правительства, их оппоненты добились институционализации механизмов защиты от его потенциального произвола (через эволюцию партийной системы, двухпалатную структуру Конгресса, принятие Билля о правах), что в совокупности сформировало уникальную систему сдержек и противовесов в американской политике. Во второй половине XX в. теория группового подхода (group theory) нашла выражение в деятельности лоббистских организаций, оказывающих значимое влияние на выработку государственной политики США. Конфликт вокруг регулирования оборота огнестрельного оружия представляет собой релевантный пример институционализированного противоборства организованных групп интересов, наглядно иллюстрирующий плюралистическую модель политического процесса.

Данное противоречие укоренено в фундаментальной бинарной оппозиции американской политической культуры, где конституционное право на хранение и ношение оружия (Вторая поправка, 1791 г.) сталкивается с императивами общественной безопасности. В течение последних нескольких десятилетий конфликт кристаллизовался в форме перманентного противодействия двух мощных коалиций: с одной стороны, Национальной стрелковой ассоциации (NRA) и поддерживающих ее консервативных кругов, с другой — альянса организаций, выступающих за усиление контроля над оборотом оружия (Brady Campaign, Everytown for Gun Safety). Данный пример демонстрирует не только устойчивость групповых интересов и их способность к институционализации в политической системе, но и потенциал организованных групп как акторов, выступающих движущей силой политического процесса [3, с. 131]. Таким образом, теория группового подхода, сформулированная Мэдисоном, находит многочисленные подтверждения в исторической и политической практике. Различие экономических интересов, основанное на неравномерном распределении ресурсов, неизбежно приводит к формированию конкурирующих групп, чье взаимодействие (или конфликт) определяет динамику политического процесса.

Следующей вехой в развитии изучения групп в политике стала работа А. Бентли «Процесс государственного управления: изучение общественных давлений», вышедшая в 1908 г., в которой автор впервые представил детализированный анализ групп интересов, а также описал их влияние на политический процесс. Отталкиваясь от базовых представлений о группе индивидов со схожими интересами в качестве основополагающего элемента социально-политических процессов, Бентли формулирует следующее определение группы: «Часть общества, рассматриваемая не как изолированная совокупность индивидов, а как сообщество, объединенное совместной деятельностью, причем участие в этой деятельности не исключает возможности участия в других видах групповой активности» [4, р. 211]. Согласно теории Бентли, группа и ее интересы неразрывны, а значит развитие государства пропорционально динамике развития активности заинтересованных групп, что в совокупности составляет общество. В возникшем общественном соглашении взаимодействующие и самовоспроизводимые группы представляют элемент государственного управления. При этом значимой компонентой политического процесса являются экономические отношения, определяющие форму антагонизма возникающих групп интересов. Имея в своем распоряжении крепкую экономическую силу и власть, группы интересов обладают значительной для политики возможностью мобилизации вектора общественного мнения, необходимого для реализации собственных целей.

Самым фундаментальным трудом в направлении разработки теории групп интересов стала книга Д. Трумэна «Управленческий

процесс: политические интересы и общественное мнение», опубликованная в 1951 г. Автор подчеркивает, что «группа по интересам относится к любой группе, которая на основе одного или нескольких разделяемых мнений предъявляет определенные требования к другим группам в обществе в отношении установления, поддержания или улучшения форм поведения, подразумеваемых общими взглядами» [5, р. 33]. Рассматривая государство в качестве институционального образования, основная функция которого — перераспределение властных ресурсов, следует сделать вывод о том, что целеполаганием для функционирующих групп интересов является поиск непосредственного доступа к лицам, влияющим на принятие политических решений, а следовательно, и на распределение ресурсов.

Несмотря на важность экономических интересов, Трумэн делает упор скорее на социально-политические признаки, интегрирующие группы в единое целое. Объединение и взаимодействие групп интересов имеет склонность к балансу сил, что преимущественно обеспечивает политическую стабильность: «Таким образом, при разработке групповой интерпретации политики нам не нужно учитывать полностью инклюзивный интерес, поскольку его не существует... если различные организованные группы интересов более или менее последовательно идут на компромиссы, мы должны признать, что имеем дело с системой, не являющейся “суммой” всех организованных групп в обществе» [5, р. 51]. Данными тезисами Трумэн интерпретирует децентрализованную организацию системы групп интересов.

Одновременно с перечисленными идеями развивалась мысль о дифференцированности точек доступа в государственной структуре. Так, Трумэн писал, что «доступ — одно из преимуществ, неравномерно распределяемых при таком устройстве; т. е. вследствие структурных особенностей правительства некоторые группы имеют лучшие и более разнообразные возможности влиять на ключевые моменты принятия решений, чем другие» [5, р. 322]. При этом отмечается, что положительное решение в пользу распределения ресурсов институтами власти должно приниматься с учетом «правил игры, устанавливаемых определенными факторами в системе, будь они государственными или негосударственными» [5, р. 46]. Особенно важны именно государственные регуляторы, определяемые нормативными рамками, которые призваны диктовать природу отношений, возникающих в процессе взаимодействия и взаимовлияния групп интересов.

Теории политического плюрализма, «множества элит» в контексте утопического дискурса. Иная, но не менее значимая теория политического плюрализма получила повсеместное признание в научной среде, став, по справедливому замечанию А.В. Павроза, «эталоном для функционирования демократических политических систем» [6, с. 8].

Действительно, теория, истоки которой отражены в работах Р. Даля, А. Бентли и Д. Трумена, содержит в себе проработанную методологию принятия политических решений, основываясь на многообразии форм взаимодействия групп интересов в политической сфере общества.

Теория плюрализма, дополнившая теорию групп интересов А. Бентли и Д. Трумэна и ставшая новой вехой в ее разработке, нашла свое отражение в фундаментальных работах Р. Даля, в которых содержание понятия плюрализма исходит из признания универсальности законов репрезентации интересов, что, в свою очередь, определяет волю представителей общества в делегировании своих интересов. В сборнике «Кто правит?», опубликованном в 1961 г., автор, опираясь на собственную эмпирическую базу, определил четыре базовых понятия, на которых зиждется плюрализм. Первым ключевым элементом конструирования плюралистической теории называется фактор политической власти, определяемой «как причинность, в которой А имеет власть над Б в той мере, в какой А вызывает изменения в поведении Б в направлении намерений А» [7, р. 47]. Вторым — собственно политический процесс, который рассматривался через призму бихевиоризма и базовую модель которого Даль перенял у Бентли и Трумэна. Таким образом, политический процесс включал в себя институты власти, политическую культуру и нормативно-правовую базу государственного образования как наиболее устойчивые акторы, которые сопровождалась взаимодействием элит и групп интересов и, следовательно, выработкой государственного курса. Третьим базовым понятием в рассматриваемой теории плюрализма становится тесно переплетающееся с предыдущим пунктом разделение политического процесса на множество составных областей с различной структурой и характером власти. Данный тезис обосновывает необходимость проведения эмпирических исследований, постоянного наблюдения за политическими реалиями и избегания необоснованных решений при разработке политического курса. Четвертым элементом является тезис об определении персональных интересов, которыми заручаются субъекты политического процесса. Даль предлагает анализировать состояние развития плюрализма по нескольким переменным:

1) уровню конфликтности между различными группами. Чем менее гомогенным является общество определенного государства, тем больше конфликтов будет в нем возникать. Данное явление названо конфликтным плюрализмом, начало которому в современности положило развитие капиталистических отношений в послевоенные годы;

2) социально-экономическим отношениям, являющимся продуктом капитализма. Ключевым вопросом здесь становится степень автономности структур бизнеса от государства, децентрализации процесса принятия политических решений;

3) политическому режиму, позволяющему проследить закономерность, вследствие которой демократические и либеральные политические силы будут способствовать более упрощенному алгоритму формирования заинтересованных групп;

4) институциональным факторам (институты представительства интересов, тип партийной системы, разделение властей и т. д.), формирующим среду, в рамках которой происходит становление и развитие плюрализма.

Таким образом, плюралистическая концепция групп интересов, сформировавшаяся в середине XX в., предлагает модель политического взаимодействия, которая по своей структуре и нормативным допущениям может быть интерпретирована как утопический проект. В ее основе лежит представление о политике как о саморегулирующейся системе, где множественные группы интересов, возникающие спонтанно в ответ на социальные запросы, вступают в свободную конкуренцию за влияние на принятие управленческих решений. Государство в этой модели занимает позицию нейтрального арбитра, обеспечивающего соблюдение правил игры, но не вмешивающегося в сам процесс конкуренции. Итогом подобного взаимодействия должен стать естественный баланс сил, при котором ни одна группа не способна монополизировать власть, а общественное благо возникает как результат переплетения разнонаправленных интересов. Однако реальная практика этого не подтверждает. Подобная концепция весьма утопична, предполагает наличие и соблюдение ряда идеальных условий, необходимых для ее реализации. Прежде всего плюрализм исходит из весьма утопического допущения о равном доступе всех социальных групп к политическому процессу, отсутствию структурных барьеров для самоорганизации и артикуляции интересов. В утопическом видении плюрализма любой интерес (экономический, культурный или социальный) получает возможность институционализироваться и конкурировать на равных основаниях, что, в свою очередь, отсылает к классическим утопиям Т. Мора и Т. Кампанеллы, в которых социальное устройство основано на рациональном распределении ролей и возможностей, исключающем системные диспропорции [8, с. 64–67].

Еще одним ключевым элементом плюралистической утопии является положение о возможности существования свободного рынка идей, где политические решения принимаются на основе рационального обсуждения и сопоставления аргументов. Государство в такой системе не навязывает собственную волю, а лишь формализует результаты конкурентной борьбы, выступая в роли беспристрастного регистратора общественного выбора. Данный аспект сближает плюралистическую модель с технократическими утопиями современности (например, проектом «Киберсиновии» С. Бира) [9], в которых

управление осуществляется не через принуждение, а через механизмы самоорганизации и рационального согласования интересов.

Пожалуй, наиболее утопической чертой плюрализма является его вера в стабильное равновесие как закономерный результат конкуренции. Теория предполагает, что в условиях свободного соперничества групп ни одна из них не сможет достичь доминирования, поскольку противодействие других акторов создаст систему сдержек и противовесов. Этот принцип напоминает экономическую теорию совершенной конкуренции, где рыночное равновесие достигается без внешнего вмешательства. Данная модель игнорирует асимметрию ресурсов, информационное неравенство и институциональные преимущества, которые на практике приводят к доминированию наиболее организованных и финансово обеспеченных групп.

С течением времени идеи Даля, заложенные в направлении изучения динамических характеристик групп интересов, продолжили развиваться в обобщенной теории «множественности элит», основоположником которой стал Э. Макфарленд. В работе «Неоплюрализм» автор доказывал, что «сторонники теории множественности элит подчеркивали факт, согласно которому олигархические коалиции, как правило, контролируют отдельные сферы принятия решений» [7, р. 52]. Такое концентрирование властных полномочий в определенных узких и немногочисленных группах позволило Макфарленду определить данное явление как «острова олигархии» [7, р. 52].

Развивая эти идеи, исследователи Т. Лоуи, Э. Шаттшнайдер, М. Олсон пришли к выводу о неоднородности политического пространства. Так, согласно Лоуи, в деятельности групп интересов необходимо учитывать их интегрирующие особенности, отличающиеся в каждой отдельно взятой сфере принятия решений, при этом «в каждой зоне принятия политических решений свойственно развитие собственных характеристик политической структуры, политического процесса, политических элит и межгрупповых отношений» [10]. Авторская концептуализация зон принятия политических решений предполагает формулировку гипотез, характеризующих специфические свойства каждой зоны, и их последующую дифференциацию на такие отдельные сферы, как:

- редистрибутивная политика. В долгосрочной перспективе налоговый бюджет государства склонен к профициту, а сама политика работает в краткосрочной перспективе, в которой определенные политические решения принимаются без учета ограниченности ресурсов;

- регуляторная политика. Функционирует на отраслевом уровне и призвана регулировать отношения между коммерческим сектором и наемными работниками;

- распределительная политика. Предполагает распределение экономических благ между социальными классами [10, р. 690, 691].

Согласно исследованиям Т. Лоуи и Э. Шаттшнайдера, группы интересов представляют собой децентрализованные образования, чье функционирование основано на практике внутренних переговоров. Шаттшнайдер рассматривал интегрирующие элементы плюралистической и элитаристской моделей, представив политический процесс в качестве гетерогенной арены [11, р. 135, 136]. Автор подчеркивал невысокий уровень репрезентативности групп интересов из-за того, что они концентрируются лишь на выражении интересов высшего экономического класса. Однако балансом политических сил в данном случае служит партийная система. При низком уровне конкуренции между партиями отмечается тенденция к концентрации власти в руках олигархического слоя, в то время как высокий уровень конкуренции способен предоставить доступ к процессу принятия политических решений большому числу заинтересованных групп.

Противоположная точка зрения в исследовании плюрализма представлена М. Олсоном, рассматривающим политический процесс через призму экономических отношений. В своих работах автор указывает на необходимость анализа олигархического компонента, присутствующего в демократическом процессе. Полагается, что олигополии приносят коллективную выгоду не всему обществу, а лишь некоторым его группам, поскольку представители широких масс не видят практической пользы в скооперированном продвижении групповых интересов. Наряду с этим выводом формируется логика коллективного действия, согласно которой при принятии политических решений меньшинство побеждает большинство, а сам процесс представительства предполагает выдвижение на первый план частных интересов узкого круга заинтересованных лиц.

Таким образом, плюрализм 1950–1960-х годов может быть рассмотрен как попытка реализации политической утопии, основанной на принципах конкурентного равновесия, рационального дискурса и нейтрального государства. Данная модель оказала значительное влияние на развитие демократической теории, подчеркнув важность многообразия интересов и механизмов их согласования. Однако ее утопический характер становится очевидным при сопоставлении с реальностью, где неравенство доступа к ресурсам и власти делает идеал свободной конкуренции практически недостижимым.

Элитаризм, корпоративизм как утопические модели взаимодействия групп и государства. Теория элитаризма была предложена Ф. Хантером и Ч.Р. Миллсом в 1950-х годах в противовес концепции плюрализма. В работе «Властвующая элита» Миллс, применяя историко-компаративистский подход, характеризует правовой статус политической элиты США как исторически устойчивый к изменениям внешней среды. Изменения в балансе властных сил он анализирует

сквозь призму четырех исторических эпох, выделяя пятую — современную. Именно в рамках пятой эпохи фиксируется интенсивное сращивание интересов бизнеса и государства, при котором корпоративная и политическая элиты образуют неразделимый симбиоз глав корпораций с политическими лидерами. К властвующей элите Миллс относит также военных, отмечая «милитаризацию государственного аппарата, обнаруживающуюся в факте возвышения военщины» [12, р. 238]. Критики плюрализма справедливо указывают на то, что декларируемый идеал нейтрального государства является мифом. В реальности государственные структуры часто оказываются зависимыми от наиболее влиятельных акторов (крупный бизнес, международная обстановка), формальное равенство возможностей скрывает фактическое господство элит. Тем не менее, сама по себе плюралистическая модель остается важным нормативным ориентиром, задающим стандарты для оценки реальных политических процессов.

В отличие от Миллса, Хантер считал, что реальная власть концентрируется в руках представителей немногочисленной, но весьма влиятельной группы: «...анализируя практику принятия решений по некоторым важным вопросам жизни города, Хантер обнаружил, что главную роль всегда играет относительно замкнутая группа людей (топ-лидеры), тогда как исполнители политической воли элиты (“профессионалы”) меняются в зависимости от того, какая именно проблема находится в процессе решения» [13, с. 7]. Властная структура при этом стратифицирована по репутационному принципу, образуя три уровня: высший и низший эшелоны элиты, а также промежуточный слой профессиональных управленцев. Интенсивность связей внутри элитарных групп определяется частотой контактов между их лидерами. Позже теория элитаризма Хантера критиковалась за несоответствия принятому пониманию демократии в политической системе США, разрыв коммуникации между широкими слоями общества и политическими лидерами, а также за приоритизацию меньшинства в решении государственно важных вопросов.

В российской политической науке сформировался элитистский подход, сочетающий классические западные теории элитологии с анализом территориальной специфики. Элитология обособилась в качестве научной дисциплины с 1980-х годов (в исследованиях профессора Г.К. Ашнина), однако наиболее активно вопросы взаимодействия групп интересов и государства обсуждались в российском дискуссионном поле в 1990-е годы и продолжились рассматриваться такими авторами отечественной элитистской школы, как О.В. Гаман-Голутвина, О.В. Крыштановская, А.В. Понеделков, В.Г. Ледяев и др. Отмечалось, что после краха СССР сформировалась новая группа «бизнес-элит», что «изменило структуру всех российских элит» [14,

с. 462]. Вместе с этим «огромную роль в политическом процессе играла неформальная структура элит, прежде всего, группировки и кланы внутри элиты, ведущие открытую или чаще подковерную борьбу за власть и влияние» [14, с. 466]. Аналогичных взглядов на роль групп давления придерживалась О.В. Гаман-Голутвина, отмечая их возможность являться «фактической властью, не просто оказывающей влияние, но контролирующей финансы, кадры, прессу, процесс принятия решений и т. д.» [15, с. 38].

Переходя к следующей теории, стоит отметить, что концепция корпоративизма изначально обозначала специфический механизм функционального представительства организованных интересов с отличным от децентрализованного — иерархизированного характера взаимодействия групп интересов. Корпоративизм как форма взаимодействия между социальными группами и государством впервые получил распространение в XIX — первых десятилетиях XX в. в Европе. В это время наблюдалась нарастающая дифференциация общества, быстро развивающиеся капиталистические государства стояли перед выбором между либерализмом и социализмом. Корпоративизм представал как своеобразный третий путь, когда групповые интересы были не полностью атомизированы, но и не встроены в единую государственную иерархию. Развитию идей корпоративизма способствовала уходящая корнями в Средние века традиция отраслевых гильдий, которая в XIX в. возродилась в условиях индустриализации, с одной стороны, и зарождения профсоюзного движения — с другой. Так, в одной из энциклик Папы Римского Пия XI *Quadragesimo Anno* от 1931 г. подчеркивается необходимость соблюдать право на объединение: «Подобно тому, как жители города вольны основывать ассоциации с самыми разнообразными целями... так и лица, занятые в одной и той же отрасли или профессии будут объединяться друг с другом в ассоциации столь же свободно» [16, pp. 86, 87, 91–95]. Энциклика содержит прямые призывы к сотрудничеству работников и работодателей при поддержке государства: «Пусть же работники и работодатели с единой силой стремятся преодолеть трудности и препятствия, и пусть мудрое обеспечение со стороны государственной власти поможет им в столь благотворном деле» [16, p. 73]. В целом Пий XI одобрял корпоративистские структуры, существовавшие в то время в Италии, видя в них попытку нахождения «третьего пути» между социализмом и капитализмом.

Идеи корпоративизма получили широкое признание в авторитарных и тоталитарных режимах Италии, Германии, Испании, Португалии в 1930–1940-х годах. В результате данное направление долгое время воспринималось весьма негативно. Однако необходимость разработки новых механизмов распределения ресурсов и перехода к инклюзивным экономическим и политическим институтам привела

к переосмыслению значения корпоративизма в межвоенный и особенно послевоенный периоды. Одним из первых ученых, подробно описавших экономические аспекты послевоенного корпоративизма, стал Э. Шонфилд, рассматривающий подобные социальные договоренности с позиции инструментов кейнсианской макроэкономической политики и утверждающий, что плановые экономические механизмы имеют гораздо больше преимуществ по сравнению с рыночными [17, р. 61]. В послевоенные годы задачи государственной политики значительно расширились и трансформировались, что выразилось не только в создании новых идеологических стратегий и укреплении позиций на мировой арене, но и в необходимости борьбы с инфляцией, особенно для небольших государств с нестабильной экономикой. Для практического осуществления этих задач требовалось формирование функциональных ассоциаций с четко определенным кругом участников и создание внутренней централизованной структуры, призванной обеспечить скоординированное представительство интересов широких социальных групп. За научным обоснованием идей корпоративизма с позиции экономической политики последовали работы политологов Г. Лембруха и Ф. Шмиттера. Так, Шмиттер ввел термин «неокорпоративизм», что объяснялось необходимостью в искоренении после Второй мировой войны негативной трактовки корпоративизма, связанной в общественном сознании с фашистской идеологией. Однако следует отметить, что само содержание подразумеваемых под новым термином отношений осталось неизменным. Неокорпоративизм предполагал создание эффективного механизма согласования интересов, основанного на включении основных заинтересованных групп. В тот период такими группами выступали союзы промышленников, профсоюзы, ассоциации с фиксированным членством, а также иные общественные объединения, чьей целью было выражение и представление интересов социальных групп. Примечательно, что сам Шмиттер последовательно поддерживал корпоративистскую модель, видя в плюрализме риск дискриминации отдельных индивидов при доступе к процессам артикуляции и согласования групповых интересов: «Систему представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (или созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей» [18, р. 15, 16]. Содержащиеся в приведенном понятии характеристики наглядно иллюстрируют степень дифференцированности между рассматриваемым явлением и демократией, и несмотря на то что Шмиттер проводил границу между

политическими режимами и корпоративизмом, он отмечал возможность слияния отдельных черт авторитаризма и корпоративизма.

Еще один исследователь данного направления Г. Лембрух считал, что «корпоративизм — это... институциональный процесс принятия решений, в рамках которого крупные заинтересованные организации взаимодействуют друг с другом и с органами власти не только ради артикуляции интересов, но и для определения общих ценностей и реализации политики, построенной на этих ценностях» [19, р. 94]. Автор выделяет аксиологическую сторону взаимодействия между группами интересов и их регулятором с целью выработки необходимых политических решений. Также Г. Лембрух предложил несколько типологий корпоративизма. Первая выделяла авторитарный и либеральный типы. Для авторитарного корпоративизма было характерно создание принудительных синдикатов взамен независимых общественных ассоциаций. Либеральный корпоративизм, напротив, отличался высоким уровнем межгрупповой интеграции; здесь выработка государственной политики происходила преимущественно в экономической сфере и отражала интересы крупнейших бизнес-ассоциаций и профсоюзов. Вторая типология включала традиционный, этатистский, либеральный корпоративизм. Традиционный тип был свойственен гильдейским системам Средневековья. Этатистский корпоративизм развивался в межвоенный период в авторитарных и тоталитарных государствах. Либеральный неокорпоративизм, характерный для послевоенных демократий Западной Европы, выделялся высоким уровнем институциональной интеграции конфликтующих групп интересов и значительной степенью их кооперации в процессе принятия политических решений.

В рамках дискурса политических утопий теория неокорпоративизма также содержит элементы эталонного общества, предлагает модель упорядоченного и предсказуемого взаимодействия между государством и ключевыми социальными группами. В отличие от плюралистического идеала спонтанной конкуренции, неокорпоративизм основывается на принципах иерархической организации, институционализированного представительства интересов и системного поиска консенсуса между основными акторами политического процесса, что, несомненно, связано с представлениями об идеально управляемом социальном порядке. Основной идеей неокорпоративистской утопии является концепция социального партнерства, предполагающая формальное включение ограниченного числа ключевых групп интересов — прежде всего ассоциаций бизнеса и профсоюзов — в процесс выработки и реализации государственной политики. В отличие от плюралистической модели, где группы конкурируют за влияние в условиях открытого политического рынка, неокорпоративизм предлагает систему централизованных переговоров между

ключевыми организациями, обладающими монополией на представительство интересов в своих секторах. Система, в свою очередь, предполагает существование четкой иерархии представительства и стремится преодолеть хаотичность и непредсказуемость политического процесса через его институционализацию и формализацию. Решения, достигаемые в ней на верхнем уровне переговоров между лидерами ассоциаций и государственными структурами, получают обязательный характер для всех участников соответствующего сектора. Здесь утопический характер проявляется в претензии на создание системы эффективного и дисциплинированного представительства интересов.

В идеальной модели неокорпоративизма значимые ассоциации не просто артикулируют требования своих членов, но и обладают достаточной властью для обеспечения выполнения достигнутых соглашений, что предполагает наличие организаций с четкой внутренней иерархией, способных контролировать поведение своих членов и подавлять любое недовольство или несогласие, нарушающее общие договоренности. Данный подход напоминает как классические утопии (например, в утопиях Платона и Т. Кампанеллы общество организовано по строго иерархическому принципу, а управление осуществляется сословием мудрецов, обладающих специальными знаниями), так и антиутопии XX в. (Е. Замятин «Мы», Дж. Оруэлл «1984», О. Хаксли «О дивный новый мир»), где социальный порядок обеспечивается через рациональную организацию и жесткое профессиональное управление, а не через механизмы политической конкуренции.

Не менее важным элементом неокорпоративистской утопии является идея достижения социального консенсуса через переговорные процедуры. В отличие от плюралистической модели, где конфликты разрешаются через конкуренцию и создание временных коалиций, неокорпоративизм предлагает механизм использования систематических переговоров, направленных на выработку долгосрочных соглашений, учитывающих интересы всех основных участников, который основан на готовности к взаимным уступкам, что должно обеспечивать социальную стабильность и предсказуемость общественного развития. В данном контексте неокорпоративистская утопия перекликается с патерналистскими представлениями об обществе как о едином организме, где разные социальные группы выполняют взаимодополняющие функции под руководством мудрого правителя.

Особое место в неокорпоративистской утопии занимает образ государства как активного участника и организатора процесса согласования интересов. В отличие от плюралистической модели, где государство выступает преимущественно в роли нейтрального арбитра, неокорпоративизм предполагает его непосредственное включение в переговорные процедуры в качестве равноправного, но особого

участника. Государство в этой модели не только обеспечивает правовые рамки для взаимодействия групп, но и активно участвует в выработке содержательных решений, выступая гарантом соблюдения общественных интересов и рациональным управленцем, способным поддерживать условия для долгосрочного развития и баланс частных интересов, которые приведут ко всеобщему процветанию. Подобная модель отражает характерную для антиутопий XX в. веру в возможность рационального управления через научно обоснованные решения, которые безоговорочно принимаются и исполняются всеми членами общества. Например, жители Нового Лондона (О. Хаксли «О дивный новый мир») четко разделены на группы альфа, бета и гамма с момента рождения, организовано трудятся только там, где предписано государством. Они счастливы тем, что получают желаемое, и желают только то, что могут получить. Таким образом, неокорпоративистская теория, содержащая значимые черты утопического строения общества, основанного на принципах иерархии, предсказуемости управляемого развития, оказала значительное влияние на современные модели социального партнерства и организацию политического порядка в реальности.

Таким образом, целесообразно сделать вывод, что осмысление взаимодействия групп интересов и государства неотделимо от дискурса политической утопии. Эволюция ключевых моделей — от плюрализма через элитизм к неокорпоративизму и их современным интерпретациям — предстает как последовательность нормативных проектов, предлагающих идеализированные схемы политического порядка.

Плюралистическая концепция (А. Бентли, Д. Трумэн, Р. Даль) и неокорпоративизм (Ф. Шмиттер, Г. Лембрух) конституируют утопию «свободного политического рынка», «управляемого порядка» саморегулирующейся конкуренции множества равных групп под надзором нейтрального государства-арбитра, обнаруживают явные параллели с классическими рационалистическими утопиями Платона, Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона, декларирующими гармонию через справедливое общественное устройство. Критический анализ Ч.Р. Миллса, Ф. Хантера, М. Олсона разоблачает утопические претензии предшествующих моделей, демонстрируя возможные последствия их реализации через установление диктатуры «властвующей элиты», структурного неравенства. Подобная критика находит свое отражение в знаменитых антиутопиях XX в. (Е. Замятин, Дж. Оруэлл, О. Хаксли).

Классические и современные модели взаимодействия групп интересов и государства основаны на определенных утопических допущениях (равный доступ, нейтралитет государства, достижимость управляемого консенсуса, саморегуляция), выполняющих роль нормативных

аттракторов. Историческая практика убедительно демонстрирует, что любая попытка реализации подобных проектов неизбежно сталкивается с сопротивлением сложной социальной реальности. Однако не стоит забывать: ценность любой утопии заключается не в возможности полной реализуемости, а в способности задавать поиск более эффективных форм взаимодействия общества и государства. Невозможно не согласиться со словами Ф. Аинсы, утверждавшего, что «утопия продолжает оставаться реальностью и необходимостью, которую сопровождает не эхо создания систем, а ответственное творчество индивидуальности, соединенное с коллективным взаимодействием» [20, с. 85].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Сиземская И.Н. Место общественного идеала в системе нелинейных концепций истории. *Знание. Понимание. Умение*, 2006, № 3, с. 93–101.
- [2] Hamilton A., Madison J., Jay J. *The Federalist Papers*. Oxford, Oxford University Press, 2008, 528 p.
- [3] Каневский П.С. Структура лоббистских отношений в современном мире. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 2020, № 2, с. 130–143.
- [4] Bentley A.F. *The process of government: A Study of Social Pressures*. Cambridge, Mass, 1967, 500 p.
- [5] Truman D. *The Governmental Process: Political Interests and Public Opinion*. New York, Alfred A. Knopf, 1960, 544 p.
- [6] Павроз А.В. Эффективность плюралистической модели формирования политики: классическое обоснование и современные интерпретации. *Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки*, 2015, № 4, с. 7–23.
- [7] McFarland A. Neopluralism: The Evolution of Political Process Theory. *Annual Review of Political Science*, 2004, no. 2, pp. 45–66.
- [8] Фролова Е.А. Политико-правовые идеи раннего коммунизма: Т. Мор и Т. Кампанелла. *Право и государство: теория и практика*, 2020, № 5, с. 64–67.
- [9] Отоцкий Л. Стаффорд Бир и перспективы ИТ. *Компьютерра*, 2003, № 36, с. 3–5.
- [10] Lowi T. American Business, Public Policy, Case-Studies, and Political Theory. *World Politics*, vol. 16, no. 4, 1964, pp. 677–715.
- [11] Schattschneider E. *Politics, Pressures, and the Tariff*. New York, Prentice-Hall, Inc, 1935, 301 p.
- [12] Mills C.W. *The Power Elite*. Oxford, Oxford University Press, 1956, 423 p.
- [13] Ледаев В.Г. Социология власти: исследование Флойда Хантера. *Социологический журнал*, 2002, № 1, с. 96–114.
- [14] Ашин Г.К. *Элитология: история, теория, современность*. Москва, МГИМО-Университет, 2010, 600 с.
- [15] Гаман-Голутвина О.В. Группы интересов: ретроспектива. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, 2000, № 4, с. 38–49.
- [16] Pope Pius XI. *Quadragesimo Anno*. URL: <https://brendans-island.com/blogsources/20150212-ff-Documents/Pius-XI-Quadragesimo-Anno-May-15-1931.pdf> (дата обращения 01.08.2025).

- [17] Shonfield A. *Modern Capitalism: The Changing Balance of Public and Private Power*. Oxford, Oxford University Press, 1965, 456 p.
- [18] Шмиттер Ф. Неокорпоративизм. *Полис*, 1997, № 2, с. 14–22.
- [19] Lembruch G. Liberal corporatism and party government. *Comparative Political Studies*, 1977, vol. 10, no. 1, pp. 91–124.
- [20] Аинса Ф. Утопия: альтернативные модели и формы культурного самовыражения в Латинской Америке. Новые основы утопии «из» и «для» Латинской Америки. *Латинская Америка*, 2012, № 8, с. 77–88.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Халугорных О.Н., Годилов Т.С. Теории взаимодействия групп интересов и государства в дискурсе политических утопий. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 4. EDN BRWAWD

Халугорных Ольга Николаевна — канд. филос. наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры философии МГТУ им. Н.Э. Баумана.
e-mail: olganik@yandex.ru

Годилов Татьяна Сергеевна — магистрант факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
e-mail: Godilo@sps.msu.ru